

O.I. Saraeva
(Samara)

SEVERAL ASPECTS OF THE SUBJECT SPHERE OF THE ANATOLIY RYASOV'S NOVEL "WASTELAND"

Abstract: *the article is devoted to the novel «Wasteland» by A. Ryasov, a little-known to the broad audience. It attempts to comprehend the purpose of the novel by analyzing the inner structure of its world. Being concealed in vacuity is what the world of "Wasteland" is. So, its purpose is to find something that could allow the being to reveal itself.*

Keywords: *dissolution, speech, word, syllable, inability, hush.*

И.И. Козан
(Сама́ра)

ЗАЧЕМ ПИШУТСЯ ПОДРОСТКОВЫЕ АНТИУТОПИИ

Аннотация: *в статье рассматривается феномен «подростковой антиутопии» как особой жанровой модификации, возникшей в юношеской литературе на рубеже XX–XXI-го века в США и Западной Европе, ее специфические черты, определившие ее отличие от традиционной «антиутопии».*

Ключевые слова: *чтение, книжная мода, подростковая литература, «Young Adult» литература, антиутопия, подростковая антиутопия, молодежная антиутопия.*

В последнее время термин, обозначающий литературоведческий жанр антиутопии, термин сугубо научный, вдруг стал каким-то совершенно общеупотребительным словом. И это произошло практически на наших глазах.

Если открыть самые различные сайты с отзывами о прочитанных книжках, то обнаружится, что читатели в тетах, которые они ставят в своих постах, постоянно используют слово «антиутопия». И когда выясняется, что авторами этих постов являются подростки 17–18 лет, то становится ясно, что с этим термином действительно случилось что-то необычное. Хотя надо признать, что «жанровая» путаница в головах у этих подростков совершенно невероятная, потому что рядом, «через запятую», наряду с «бытовой»

формулировкой «невероятное будущее», у них появляются самые различные жанровые характеристики, относящиеся к одной и той же книге: тут и тег «постапокалипсис», и тег «фантастика», и тег «фэнтези». Тем не менее, то, что термином «антиутопия» теперь стали массово пользоваться «рядовые читатели», представляется, с литературоведческой точки зрения, явлением крайне любопытным.

До середины XX-го века в мире существовала просто детская литература. А в 60-е-70-е годы на Западе начался процесс ее разделения или, точнее, выделения из нее какой-то другой литературы, которая оказывается как бы уже не совсем детской. И в работах западных исследователей детского чтения, и в западной критике в целом появились понятия «подростковая литература» и «молодежная литература». Сегодня есть даже литература, которую по-английски называют «Young Adult», — то есть речь идет о книгах для «молодых взрослых». Более того, термином «Young Adult» сейчас нередко обозначают даже особую жанровую разновидность, якобы развивающуюся уже в рамках собственно подростковой литературы.

И в связи с жанром антиутопии сейчас на Западе тоже возник целый ряд самых различных, как бы уточняющих, но фактически по-своему «обновляющих» ее, терминологических обозначений: «подростковая антиутопия», «молодежная антиутопия» и даже «детская антиутопия». Все они так или иначе призваны зафиксировать ключевую особенность этого жанра — это книги не для взрослых, а значит — это уже какая-то другая или, как минимум, особая разновидность «традиционной» антиутопии — жанра, у которого до сих пор не существовало никаких указаний на его ориентацию на определенный тип адресата, или реципиента.

И в русских комментариях сегодня можно встретить и термин «янг эдалт» — и особое жанровое обозначение «янг эдалт антиутопия» (иногда его пишут по-английски, а иногда даже используют транслитерацию, т.е. воспроизводят английский термин русскими буквами).

Как возникла эта «подростковая антиутопия» и откуда она взялась у нас?

Появилась она в Америке, а потом уже проникла в Западную Европу, и считается, что ее появление в таком виде связано с 11-ым сентября и со всеми событиями, которые произошли в это время в США. Но к нам она пришла, естественно, абсолютно в другом качестве.

На Западе есть много теорий происхождения этого жанра — одни связывают антиутопию с политизацией молодежи, другие — с процессом ее идеологизации, третьи ищут ее жанровые истоки в социализации подрастающего поколения.

Но факт остается фактом — в Америке, а потом и в Европе появился целый ряд подростковых антиутопий, которые оказались безумно популярны. Они тут же были экранизированы. У нас все эти книги перевести и опубликовать к тому времени ещё не успели. И подростковая антиутопия пришла к нам через кино (это были 2011–2013 годы). Речь идет о целой серии фильмов — «Голодные игры», «Бегущий в лабиринте», «Дивергент» и множестве им подобных.

На Западе сначала это были книги, а потом уже возникли снятые по ним фильмы, что в итоге привело к фантастическому росту их популярности и тиражированию их сюжетов. Даже взрослые зрители (а потом уже и читатели), вдохновленные фильмами, «купились» на эти подростковые антиутопии.

В России процесс оказался «обратным»: сначала появились фильмы, которые произвели огромное впечатление на российских зрителей, после чего книги, по которым они были сняты, начали спешно переводить на русский язык. Сейчас они издаются в нашей стране огромными тиражами. И хотя подростки действительно «подсели» на эти книги, тем не менее, с момента возникновения у нас интереса к подростковым антиутопиям прошло уже более пяти лет, а отечественных образцов этого жанра пока еще так и не появилось: мы лишь продолжаем переводить то, что создано на Западе.

Сегодня антиутопии у нас гораздо более популярны, чем в Америке. Считается, что там пик интереса к ним уже позади и их популярность там пошла на убыль, поскольку за эти годы у них столько всего было издано и снято было тоже великое множество подобных антиутопий. Но PR и реклама продолжают делать свое дело: сегодня в США и Европе созданы целые серии компьютерных игр по этим книгам, продаются различные сувениры из материалов, с ними связанных, есть даже мобильное приложение, в котором вы можете выяснить, на кого из героев какой книжки вы похожи. Или, если в книжке есть мир, в котором, например, существуют фракции, вы можете в мобильном приложении по анкетам узнать, кто вы и к какой фракции вы принадлежите.

Рассказывая о популярных подростковых антиутопиях, авторы рекламных текстов постоянно подчеркивают, что та или иная книга экранизирована и что в очередной серии очередной экранизации главную роль играет такой-то известный актер, или читателей информируют, что кроме трех книг, повествующих о подвигах данного героя, существует еще и 4-ая, написанная от лица уже другого персонажа. Или сообщается, например, о том, что вот эту книжную историю пытались экранизировать в виде сериала дважды, но канал, которому принадлежат права, так и не принял пилотные серии, и что вновь ведутся разговоры о ее экранизации.

То есть читателю всё время дается некая приманка, которая призвана поддерживать его интерес: вот-вот выйдет еще одна книга, будет написано еще одно продолжение, что-то еще переведут, обязательно будет снят фильм, скорей всего — в нескольких сериях.

Книжки выходят с обложками, на которых изображены актеры, играющие главные роли в их экранизациях. Сегодня можно, например, прочитать в новостях о том, что на Каннском фестивале состоялась премьера очередной антиутопии. Многие считают, что сейчас это еще и определенная мода — мода на антиутопию.

Популярность антиутопии — если говорить не о моде, а именно о популярности — связана со спецификой возрастной психологии подростков, «ключевые» черты которой были авторами книг и создателями фильмов обнаружены внутри «антиутопического» сюжета и в дальнейшем точно «просчитаны», что позволило превратить этот сюжет в сюжет исключительно «подростковый».

Перед нами абсолютное совпадение героя и читателей: в центре фильма или книжки оказывается молодой человек, который у нас на глазах превращается в Героя с большой буквы.

Главный конфликт этих произведений — реальный конфликт, в котором живут все подростки: мир против нас, он нам враждебен, это мир взрослых, которые присвоили себе власть, которые в этой жизни ничего не понимают и которые обязаны уступить нам свое место. А поскольку они его добровольно не уступают, то только борьбой мы можем как-то это свое место, свою главенствующую в мире позицию завоевать.

Герои эти, как и подростки, уверены, что старый, взрослый мир плох, и они оказываются его главными обвинителями, протестантами и разрушителями. То есть дети в мире взрослых поработителей бесправны, они находятся в положении рабов — и они сами должны отвоевать для себя пространство свободы.

Герой в книге и в фильме — это всегда супергерой, потому что ему всегда удается одному противостоять самому враждебному миру, а его поведение совпадает с тем, как ведут себя подростки, которые в принципе находятся в «протестном» возрасте — и через протестное или бунтарское «существование» так или иначе проходит любой подросток.

Совершенно понятно, что все это совпадает с подростковым желанием самоутверждения.

Что же происходит обычно в этих книжках и в этих фильмах? Жестокая борьба, которая заканчивается триумфом Героя, ведь Финал в них — всегда Победа. Если победа дается ценой гибели, возникает «оптимистическая трагедия». Т.е. уникальный мальчик-супергерой находит какой-то совершенно необыкновенный способ победить и создать новую реальность.

В сюжете антиутопии легко прослеживается сюжет инициации: через столкновение с миром зла, через борьбу с этим миром на грани жизни и смерти, через преодоление всяческих испытаний происходит его перерождение. Тем более что речь идет о совсем молодом человеке, только еще вступающем во взрослую жизнь и в противостоянии враждебным силам превращающемся из мальчика в мужчину.

Такая самоидентификация лежит на поверхности. И когда тинейджер читает такую книжку или смотрит такое кино, то у него возникает ощущение, что все это рассказано абсолютно про него.

Причём, когда делается фильм, все это учитывается на уровне мелочей: например, потребители этих фильмов — это в основном всё-таки не мальчики, а девочки. Поэтому роли героев в них играют красавцы, лучшие американские и английские актеры. Это делается для того, чтобы дополнительно завлечь основного зрителя. А на роли героинь (а в этих фильмах всегда есть любовные линии), наоборот, приглашаются самые невзрачные актрисы. И объясняется это очень просто: девочки, которые смотрят такие фильмы, должны понимать, что эти героини-красавцы выбирают не принцесс и не красавиц — они выбирают таких вот простушек, обыкновенных девочек — и чем она обыкновеннее, чем она внешне «проще» и незаметнее, чем легче ее спутать с толпой, тем как бы у неё больше шансов быть им выделенной. И это такой вот способ самоидентификации, который девочек в их внутренней самооценке, и в их планах на будущее, и в их мечтах очень поддерживает и вдохновляет.

И книги тоже превратились в серии: если изначально это обычно была трилогия, то сегодня речь идет уже о выходе целой серии книг, есть в этих сериях книги «предыдущие» (т.е. рассказывающие о событиях, которые предшествовали событиям основного сюжета, — так называемые приквелы), есть «последующие» (сиквелы).

Причем эта сериальность не связана с каким-то развитием характера героя, его принципиальной трансформацией или даже перерождением, не связана она и с развитием ситуации — основу сюжетного «движения», как правило, составляет лишь изменение внешних обстоятельств существования главного героя.

Понятно, что расчёт авторов и создателей подобных книжных «сериалов» сделан на то, что эта самая идентификация окажется той внутренней зацепкой, которая будет держать подростка «на крючке» и которая заставит его читать следующую книгу или каким-то образом на нее похожую.

Почему же все это называется «молодежной» или «подростковой» антиутопией? Потому что от «традиционных» антиутопий она отличается принципиально. Если мы говорим о настоящей антиутопии, это жанр предсказания, где очень важную роль играет создание совершенно особой картины мира, черты которого мы обнаруживаем уже в сегодняшней нашей жизни, где отражены глубинные общественные кризисы, где есть психологизм, где в центре — сложные человеческие проблемы, конфликты и взаимоотношения. Это настоящая литература.

Что происходит здесь? Спускаясь «вниз», превращаясь в жанр массовой, популярной, даже модной литературы, — сегодня на Западе по-прежнему модно написать какую-нибудь подростковую антиутопию — жанр этот в целом примитивизируется, и из него абсолютно выхолащивается вся его глубинная сущность. Он превращается в жанр-страшилку, в какой-то фантастический ужастик.

Супергерой приходит в страшный мир. Нельзя сказать, что все героическое и невероятное, что он там совершает, происходит по мановению волшебной палочки — понятно, что в книге накручиваются страшные события, которые обрушиваются на него со всех сторон, но в общем ему удается с этим со всем самостоятельно разобратся и справиться.

И та самоценность художественной картины возможного, гипотетически возможного страшного грядущего мира, которая есть в «нормальной» антиутопии, здесь абсолютно исчезает.

Что же мы в итоге получаем? Уже ставший классическим, этот жанр у нас на глазах превращается в удобный шаблон, который можно наполнять вариантами шаблонного же содержание, шаблонных героев и шаблонных конфликтов. И когда мы берём в руки очередное продолжение очередной антиутопической книжки или читаем все части какой-то книжной «серии», то выясняется, что отличаются они друг от друга исключительно тем, что в них меняются какие-то внешние обстоятельства, в которых герою оказывается всё сложнее и сложнее выживать. Но не более того.

Вот, например, рекламируется новая антиутопия «Пятая волна». Это трилогия, в которой сейчас уже вышли две книги. И создатели рекламы третьей книги, описывая ее привлекательные стороны, напоминают подросткам, что первая волна — про глобальное отключение электричества, вторая волна — про цунами, третья волна — про эпидемию, в четвертой волне будут какие-то суперглушители. А еще грядёт Пятая волна. И что в ней будет — пока ещё абсолютно неизвестно. Это и есть самая большая тайна, которую и скрывают авторы от читателей. И этой неизвестностью поддерживается и даже по-своему подогревается их интерес к продолжению данного книжного «сериала».

И в этой ситуации мы прекрасно понимаем, что изменения внешних обстоятельств абсолютно не меняют ни центрального конфликта книги, ни позиции героев — у них задача в этой новой для них жизни прежняя: от этого мира надо не просто отбиться — его надо завоевать. И, как в волшебных сказках с невероятными испытаниями, каждое следующее испытание оказывается здесь все страшнее и страшнее, и герой должен, по мере их преодоления, становиться всё более сильным, для того чтобы всё и всех победить. И читателю, и зрителю совершенно понятно, что герой-мачо с этой задачей, конечно же, блестяще справится.

Таким образом, произошедшая, практически на наших глазах, жанровая «трансформация» антиутопии оказывается историей достаточно грустной, потому что жанр, заявленный как очень серьезный и давший в XX веке блестящие образцы и русской и западной литературы, которые по сей день воспринимаются нами не просто как вершинные произведения, а как тексты, которые помогли нам понять какие-то прогностические «вещи» не только про то, что может произойти в мире на уровне каких-то катаклизмов природных, — они помогли нам увидеть то самое главное, что может произойти с человеком, с его взаимоотношениями, с его характе-

ром, — этот жанр превратился в примитивной формат, удобный, модный, популярный, в который сегодня так удачно упаковываются психологически подходящие для подростков и вполне себе банальные и достаточно примитивные сюжеты.

И, судя по тем тиражам, которые у них есть сегодня в России, и по тем наградам, которые авторы и актёры получают за эти книги и фильмы на Западе, в упаковке подростковой или молодежной антиутопии эти «тексты» уже самим фактом своего появления обречены на успех, на популярность и даже на славу.

*I. Kogan
(Samara)*

WHAT ARE THE YOUNG-ADULT DYSTOPIAS WRITTEN FOR?

***Abstract:** the article considers the phenomenon of «teenage anti-utopia» as a special genre modification that arose in the youth literature at the turn of the 20th century in the US and Western Europe, its specific features that determined its difference from the traditional «anti-utopia».*

***Keywords:** reading, book fashion, teenage literature, «Young Adult» literature, dystopia, teenage anti-utopia, youth anti-utopia.*